

передать всю глубину человеческого страдания и мужества. Но прислушайтесь, какой верой в жизнь, какой верой в весну звучат ее майские ямбы:

Да будет наше сумрачное братство
отрадой мира лучшею навек,
чтоб даже в будущем по ленинградцам
равнялся самый смелый человек.

Этому голосу вторили стихи Веры Инбер, другой блокадницы, превратившей поэтическое слово в мироносное оружие. Еще в самом начале войны она пророчески предрекала неминуемую гибель врагу, утверждая в стихотворении «Бессмертие»,

● ДАВНО СТИХАМИ ГОВОРИТ НЕВА

«СВЕРКАЮЩИЙ, КАК ЛУЧ ВЕСЕННИЙ...»

ОЖИДАНИЕ весны... Что может быть естественней для всего живого! И для невской воды, еще томящейся подо льдом, и для этих голубей на колокольнях Исаакия, и для старого парка на островах, внезапно осыпанного последним снегом... А человеческой душе и вовсе нельзя без веры в чудотворную власть весны:

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны...
Мартовским мажором исполнена музыка декабрьских строк
Анны Ахматовой. Это ли не предчувствие наших белых ночей с их неброским, но незатхлым сиянием?

СУРОВЫЕ краски гранита — едва ли не первое, с чем нам привычно сравнивать зримый образ невской твердыни. Но в истории русской поэзии с ее незапамятных пор есть немало строк, воплотивших в себе ясные, именно весенние лики Северной Венеции. В одном из стихотворений 1812 года поэтесса Анна Бунина так воссоздавала майскую метаморфозу петербургского пейзажа:

...Нет на небе туч свирепых;
Облак легких даже нет,
И по синей, чистой тверди
Месяц с важностью течет.

Отголоски пушкинской тональности («прозрачный сумрак, блеск бездульный») слышны в стихах Поликсены Соловьевой. В ее книге с символическим названием «Иней» особое место принадлежит стихотворению «Петербург», где рельефно противопоставлены тень — «неясная громада», «тяжкие дома» и лучезарный свет:

Ночь, но мерцает зарей небосклон...
Ты весь побежден сумраком белым.

Поэтическое отражение города над Невой как мажорной зримой гармонии, вопреки мраку во всех его ипостасях,

становилось все более многогранным и достигло к середине двадцатого столетия подлинных вершин в творчестве целой плеяды ленинградских поэтов. То были стихи о Великой Отечественной войне.

ДО ЭВАКУАЦИИ в Ташкент Анна Ахматова успела познать бремя военной годины. Ее видели на дежурстве с противогазом через плечо в ряду бойцов противовоздушной обороны. Наравне с другими ленинградками она шила мешки под песок, необходимые для траншей-убежищ... Но поэзия оставалась ее главным патриотическим делом. Еще в июле сорок первого из-под ахматовского пера вышли строки знаменитой клятвы: «...Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покориться никто не заставит!»

Позднее стихи Ахматовой наполнятся красками и

дыханием весеннего Ленинграда:

Принеси же мне ветку клена
Или просто травинку зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды...

Эти согретые материнской любовью слова датированы апрелем 1942 года и обращены к ленинградским детям, жившим под вражескими снарядами.

В истории отечественного искусства есть особая, ни с чем и никогда не сравнимая глава — это творчество тех, кто работал в осажденном Ленинграде и защищал его на фронтах, создавая художественную летопись событий, решавших судьбу нашей Родины. Среди них была Ольга Берггольц. Высокий трагизм ее «Стихов о ленинградских большевиках» и «Февральского дневника» сродни русской классической музыке, в которой минорный лад способен

что орды варваров разобьются о невский гранит и увянут в русских снегах. И как явственно трагической тональности «Пулковского меридиана» противостоят мажорные аккорды, воспевающие нетленную светлую красоту нашего города:

А на Неве ни шороха, ни плеска,
И город ало-черно-золотой
В ней отражен с венецианским блеском,
С понтине голландской чистотой.
Но наяву насколько он живей
В исконной русской прелести своей!

ОЖИДАНИЕ весны... Нам ли, балтийцам, не ведать этого чувства? Ведь холодов у нас вдосталь, а теплом не похвастаешь. Порой каждый солнечный луч на счету. Да и только ли в погоде дело? Гляньте, как чайки на Неве копошатся «в льдистом крошеве»! И повсюду окрест, осененные мартовским светом, загораются краски ленинградской палитры — на Дворцовой, на Марсовом, на Невском.

Наша современница и наша землячка Майя Борисова, вспоминая о юных ленинградцах военной поры, точно отразила в бесхитростных строках эту мажорную символику Ленинграда:

Бессмертный шпиль Адмиралтейства!
Его нагую простоту
Чертило раненое детство,
Музоля грифели во рту.
Он был залогом их спасенья,
Он был оплотом их мечты.
Сверкающий, как луч весенний...

Ю. ОРОХОВАЦКИЙ
Рисунки
А. Остроумовой-Лебедевой